

Линь Гуанлэ, как всегда, был в ударе, размахивая руками:

— Давай, давай, если не боишься, сними штаны, пусть я сначала увижу твою задницу!

Лу Сяоянь с недовольством бросил на него взгляд, но не смог скрыть улыбку:

— Неделю не получал взбучки, заскучал?

По сравнению с Дай Чжию и Цай Шимо, отношения Лу Сяояня и Линь Гуанлэ были более лёгкими и непринуждёнными, и шутки между ними были более раскованными. Они были ровесниками, Лу Сяоянь был всего на несколько месяцев старше, но всегда относился к Линь Гуанлэ как к младшему брату. В прошлой жизни Линь Гуанлэ, хоть и не смог пройти с ним до конца, оставался единственным другом, который не предал его. Поэтому в сердце Лу Сяояня всегда хранилась благодарность.

На угрозы Лу Сяояня Линь Гуанлэ не обратил внимания:

— Теперь я тебя не боюсь! Если будешь продолжать давить силой, я пойду к твоему «сердцу, бьющемуся в унисон», и тогда посмотрим, кому будет хуже.

На этот раз Лу Сяоянь не стал спорить, замолчал на мгновение, а затем с серьёзным выражением лица предупредил Линь Гуанлэ:

— Алё, слушай, у меня нет никаких чувств к Лин Си. Ты можешь дурачиться сколько угодно, но не лезь к нему. Он один, ему и так непросто...

Вспомнив сцену, где Лин Си с кем-то спорил днём, Лу Сяоянь не мог не беспокоиться и спросил Линь Гуанлэ:

— Кстати, у тебя есть знакомые в «Хуэйту», мимо которой мы только что проехали?

— Зачем тебе? — Линь Гуанлэ с недоумением оглядел Лу Сяояня, связав ситуацию с недавней встречей с Лин Си, и, увидев беспокойство в его глазах, быстро всё понял. — А, ясно. Не волнуйся, ты ведь слышал о теории «шести рукопожатий»? Любые два незнакомца в мире связаны через не более чем пять человек. Ты хочешь стать героем и выяснить, кто донимает твоё «сердце, бьющееся в унисон»? Обещаю, за три дня всё узнаю. Но, кстати, что я получу за помощь?

— Ты ещё и выгоду хочешь? — Лу Сяоянь протянул руку, чтобы снять ремень с Линь Гуанлэ. — Этот ремень я тебе привёз из Италии, верни его!

Линь Гуанлэ поспешно засмеялся:

— Ладно, ладно, Сяоянь, я же шучу! Какая выгода между нами? Мы же друзья!

Лу Сяоянь, подражая его тону и манере, сказал:

— М-м, мы друзья! Тогда вот что... — Он принял серьёзный вид. — Есть дело для тебя — найди профессионального актёра, не известного, лет тридцати, высокого, красивого, с хорошими манерами, главное, чтобы мог очаровывать женщин.

Линь Гуанлэ тупо уставился на него:

— Ты что, уже сменил вкус?

Лу Сяоянь шлёпнул его по затылку:

— Ты что, и мозг, и уши дома оставил? Я же сказал, что он должен очаровывать женщин, разве это для меня?

Благодаря многолетней дружбе, Линь Гуанлэ начал перебирать в уме всех женщин из окружения Лу Сяояня и постепенно понял, о ком идёт речь. Он осторожно спросил:

— Сяоянь, ты хочешь найти профессионала, чтобы очаровать женщину, и эта женщина — Мэгги? Если я не ошибаюсь... она ведь... пыталась соблазнить тебя?

Лу Сяоянь удивлённо уставился на него:

— Она что, и тебя тоже?

Линь Гуанлэ с досадой хлопнул себя по бедру:

— Именно! Я ничего не говорил, чтобы не создавать лишних проблем, эта стерва, а ведь Дай Чжию так хорошо к ней относился!

— И ты поддался? — Лу Сяоянь не мог не рассмеяться, ведь он сам был настоящим геем, а Линь Гуанлэ — убеждённым холостяком. Мэгги, видимо, была настолько отчаянной, что пыталась соблазнить их обоих.

Услышав это, Линь Гуанлэ посмотрел на него, как на сумасшедшего:

— Я бы поддался? Я, Линь Гуанлэ, стал бы жертвой женщины? Не забывай, что в нашей семье, кроме денег, больше всего женщин. Каждый вечер, когда мы собираемся за ужином, это как спектакль. Моя бабушка играет Шэ Сайхуа, мама — Чай Цзюньчжу, тётки и тётушки — это всевозможные роли, да ещё и Линь Гуанью, Линь Гуанмэй — эти две яркие личности. С самого утра меня окружает целая толпа женщин, и если я повернусь... В общем, Мэгги даже близко не подойдёт ко мне! Я ненавижу лицемерие, особенно когда оно вредит моим друзьям. Так что скажи, что делать!

Лу Сяоянь покачал головой:

— Твоя привычка всё драматизировать когда-нибудь изменится? Чтобы спектакль был убедительным, нужно действовать постепенно. Моя сестра недавно открыла винный бар, он довольно большой, и в следующем месяце будет открытие. Я приглашу Дай Чжию, ты тоже приходи и приведи этого человека. Помни, чем более галантным и щедрым он будет, тем лучше. Остальное я устрою.

Линь Гуанлэ вдруг почувствовал жалость:

— Эх, Дай Чжию такой несчастный, впервые в жизни встретил женщину, которая ему понравилась, и готов был отдать ей всё. Если он узнает, что Мэгги соблазняет его друзей, ему будет очень больно.

Лу Сяоянь скривился:

— Правда может быть болезненной, но лучше знать её, чем жить в обмане. Если в теле опухоль, её нужно удалить сразу, ведь лучше короткая боль, чем долгая. Когда опухоль вырастет, она убьёт. Именно поэтому я хочу, чтобы всё сделал чужой человек, а не мы. Будь

внимателен, не облажайся...

В период, когда его запястье было травмировано, Лин Си чаще всего находился в студии учителя У. В «Хуэйту» был мужчина-артист, которому нужно было записать несколько синглов для нового сериала, и учитель У, у которого не хватало рук, поручил Лин Си помочь с музыкальными задачами.

Этот артист пел неплохо, по крайней мере, лучше среднего уровня караоке, но проблема была в том, что он не читал ноты, поэтому Лин Си приходилось заранее записывать все песни, чтобы тот мог учить их по фразам. У Лин Си был широкий вокальный диапазон, он легко справлялся как с высокими, так и с низкими нотами, особенно в обработке финальных аккордов. Лин Си всегда подходил к музыке с полной отдачей, стремясь сделать каждый шаг идеальным, но, к сожалению, он приложил усилия не туда, сделав образец песни слишком сложным. Артист, чьи вокальные данные были ограничены, не мог гибко переключаться между регистрами, и в студии он провёл несколько дней, так и не найдя нужного состояния.

Большинство песен были написаны учителем У, и для автора самое большое разочарование — это когда его произведение не достигает ожидаемого эффекта, и его труд оказывается напрасным. Сначала учитель У терпеливо предлагал различные методы и советы, но позже, доведённый до отчаяния и не имея возможности напрямую критиковать артиста, он вымещал своё раздражение на Лин Си, заставляя его понижать тональность и убирать многие детали, которые могли бы сделать песню яркой. В результате, песня, которая могла бы быть выдающейся, становилась простой и посредственной.

Лин Си сохранял спокойствие, сразу же вносил все изменения, которые просил учитель У, и после утренней работы артист всё ещё не справлялся. Когда песня была записана, учитель У сидел за пультом, куря одну сигарету за другой, с хмурым лицом и мрачным выражением, не говоря ни слова.

Чувствуя неловкость, Лин Си подошёл и тихо спросил:

— Учитель, как вам эта версия?

Учитель У раздражённо фыркнул:

— Ты ведь учился этому, разве сам не слышишь? Сколько здесь проблем, ты... — Он осознал, что слишком разгорячился, и, резко оборвав себя, махнул рукой. — Ладно, не буду говорить. Обеденный перерыв, идите поешьте.

Когда артист в сопровождении ассистента уехал на своём микроавтобусе, Лин Си осторожно предложил:

— Учитель, что вы хотите на обед? Я могу сходить купить.

Учитель У бросил окурочок на пол и раздавил его:

— Что на обед? Я и без еды сыт! Сыт от злости!

Лин Си постоял несколько секунд, затем достал из кармана свою пачку сигарет, вытащил одну и поднёс её к губам учителя У, неуклюже зажигая её:

— Учитель, курите.

Он не был мастером в угождении другим, и его действия и выражение лица были неловкими, вызывая жалость.

<http://bllate.org/book/16461/1493710>